

Во дворе под навесом в порядке, сродни армейскому, ровными рядами в два яруса стояли летками вперед сорок выкрашенных в зеленый цвет ящиков, плотно закрытых задвижками. В каждом из них, вычищенных стамеской от прополиса до чистоты, позволяющей говорить о педантичности хозяина, было по две рамки с узкими полосками воины, прикатанными к тонкой стальной проволоке. Тут же, на одном из осиновых столбов, поддерживавших крышу этого временного летнего сооружения, висела слоями по три ступени сложенная лестница, которая представляла собой набор становящихся к вершине все уже довольно тонких брусков — так называемых ступеней из дуба, намертво прикрепленных торцами с помощью небольших отрезков стальных полос к плетеным нитяным вожжам. Рядом лежал легкий, с пятиметровым складным багровищем из сухой липы, багор. Весь этот основной для ловли пчел инвентарь, казалось, замер в каком-то странном напряжении. Пустотелые ловушки, словно диковинные прямоугольные барабаны, струдившиеся в одном месте, прислушивались к звукам уходящей весны и с удовольствием резонировали жужжание всевозможных насекомых, кишачих в воздухе и оказавшихся между ними. Этот непрерывный звон только усиливал эффект ожидания чего-то грандиозного. Даже Саша, обычно не любивший заниматься подолгу чем-то одним, под впечатлением торжественности момента незаметно для себя увлекся довольно скучным и однообразным поручением — он почти машинально распрямлял небольшие отрезки мягкой проволоки, прикрученные с двух сторон к ручке каждой из ловушек. Николай Максимович с удовлетворением отметил про себя старание мальчика, но сам к навесу не подходил: он все свое время посвятил машине, которой завтра предстояло резко переключиться на «дежурный» режим... Неподалеку был и Олег, который выполнял специальное задание главы семейства — проверял на прочность светлые пчеловодные костюмы, состоящие из штанов, подобных шароварам, рубахи до колен с плотно застегивающейся горловиной, а также маски в форме белой широкополой шляпы из грубой хлопчатобумажной ткани с мелкой сеткой на проволочном каркасе.

Солнце уже припекало, угнетая все вокруг и заставляя успокоиться, замереть, спрятаться и поникнуть. Морило. Казалось, вот-вот кто-то распорядится: «Пора!» И великое таинство свершится. Повинуясь многовековому инстинкту, тысячи молодых пчелиных семей полетят искать новый дом. Но это будет через неделю, а может быть через день или два: пока он еще не наступил, этот всепоглощающий горячий сезон охоты. Сезон охоты на пчел.

— Э-э-э! — вдруг послышался тревожный возглас издалека.

С противоположной стороны единственной в этом глухом селении улицы бежал к воротам явно чем-то обеспокоенный сосед. Николай Максимович подался ему навстречу, оторвался от дела и Олег, но открыл калитку Саша, молниеносно очутившийся возле нее первым.

Пенсионер Тихомиров заикался, и первое, что удалось ему произнести, было неожиданное:

— Пы-пы-пы-ривет!

Обмениваясь рукопожатиями, сначала с хозяином, потом с его сыновьями, он постепенно прояснял ситуацию:

— Н-на огороде с-с-сегодня за-за-занимаюсь... Ага!.. — Это последнее слово Сергей Петрович вставлял для связки слов и фраз. — Сы-сы-сы-кучно ты-ты-ты-раву дергать! Ага! Н-н-у, ра-а-зогнул спину... сы-сы-сы-мотрю, ага!.. Ле-е-е-тит! Рой!.. Ка-а-ак туча! Пы-пы-пы-рямехонько кы-кы-кы бане! И сы-сы-сы-мотрю, ага! Сы-сы-сы-нижается!..

Николай Максимович, давно понявший, что к чему, уже вел соседа под руку вглубь двора, прекрасно зная, что сейчас нужно делать, но не прерывал его взволнованный рассказ. Тихомиров же, размахивая для убедительности руками, продолжал:

— Пы-пы-пы-прямо кы-кы-кы карнизу... Сы-сы-сыначала кы-кы-кы-ружил все... Ага! Гу-гу-гудит!.. Но в-в-в-се-таки сел! По-о-о-блепил карниз!..

Захватив с собой роевню — полуцилиндрический, насквозь продуваемый через мелкую металлическую сетку ящик с застегивавшейся на крючок дверцей, ловушку, в которую положил пучок гусиных перьев, пульверизатор с отваром котовника, приготовленным к осмотру пчелиных семей в ульях, и шляпу с защитной сеткой, Николай Максимович на ходу бросил Олегу:

— Возьми на всякий случай костюм, маску — себе, и рукавицы, две пары. Подходи следом!..

Даже издали было видно, что карниз бани у соседа в самом деле тянул книзу внушительный «язык» из тысяч пчел. Баня больше напоминала курятник. От времени она словно вросла в землю и была настолько низкой, что до карниза можно было легко дотронуться рукой. «Язык», словно живой, шевелился, как если бы его трепал легкий ветерок. Вокруг создавали собой летающий «щит» не примкнувшие к клубу насекомые. Их было много, много настолько, что эту моментально меняющую форму часть роя правильнее всего было бы сравнить с тучей. Казалось, что ужалить могут именно эти, находящиеся в полете пчелы, а сам «язык» из сгрудившихся насекомых неопасен, и вообще — это уже несколько иная субстанция, подчиняющаяся другим законам. За магическим зрелищем странной кишашей жизни можно было наблюдать долго, как за горящим костром или клокочущей бездной. Все эти явления объединяла какая-то неистовая внутренняя сила, посылающая незримые импульсы всему окружающему миру, заряжающая его своей энергией. Однако медлить было нельзя, как и предсказать, что произойдет через минуту. Конечно, опытный пчеловод знал, что рой быстро не слетит: по неписаным законам, которым подчиняется пчелиная семья, он, скорее всего, будет висеть здесь, возможно, и час, и три... Этого времени, конечно, хватит, чтобы огрести его. В который раз задумавшись над плохо звучащим словом «огрести», Николай Максимович побрызгал себя из пульверизатора отваром котовника, невероятно нежный запах которого безумно любят как коты, так и пчелы, старательно смазал зеленой водичей руки, шею, не спеша надел шляпу с защитной капроновой сеткой и на глазах у изумленного соседа, наблюдавшего за ним через окно из сеней своего дома, как был, в обыкновенных рубашке и брюках подошел к пчелиному «языку» вплотную. Опытный пчеловод сначала медленно поднес открытую ловушку к нижней части висячего роя, затем осторожно стал заправлять его в ящик, который поднимал все выше. Наконец, когда верхняя кромка ловушки почти

вплотную приблизилась к карнизу, Николай Максимович стал аккуратно просовывать в образовавшуюся щель крышку. В результате большая часть пчел оказалась запертой в рукоятворном приемном доме.

В это время во дворе появился Олег. Он был с головы до ног экипирован для безопасной работы с пчелиным роем, и, несмотря на откровенно земные сапоги, одяние его очень напоминало скафандр. Отец окинул сына насмешливым взглядом:

— Молодец! В космос, что ли, собрался?.. Пока ты одевался, я с пчелами уже договорился... Забирай ловушку!

Олег подошел, взял ловушку, с восторгом ощутив ее тяжесть, отошел в сторону и стал наблюдать за отцом.

Николай Максимович очень медленно поднес теперь уже роевню к остатку пчелиного «языка» на карнизе и стал аккуратно заправлять в нее пчел гусиными перьями. Матка, без которой пчелиная семья не живет, находилась, скорее всего, в ловушке, но горстку сиротливо жавшихся друг к другу насекомых бросать было нельзя: они просто погибнут. Другое дело те, которые кружили вокруг... Эти были самые беспокойные и, согласно штатному расписанию пчелиной семьи, служили «охранниками». Сегодня их обвели вокруг пальца, и, словно опомнившись напоследок, сейчас пара десятков из них с бешеным жужжанием, не предвещающим ничего доброго, искали удобное место на теле отца, чтобы оставить в нем свои жала. Вместе с каждым жалом останется и четверть грамма яда. От пятисот-шестисот укусов может наступить смерть, но, во-первых, это как же надо разозлить «братьев наших меньших»... во-вторых, у отца давно выработался иммунитет и даже значительное количество таких «инъекций» для него не проблема, а в-третьих, и отец, и Олег прекрасно знали, что в малых дозах пчелиный яд даже полезен. Поэтому, заполучив очередную его порцию, отец никогда не морщился от боли, а бодро и с удовлетворением говорил: «Лечимся!»

Перед тем как уйти к себе, Николай Максимович подошел к соседу. По-прежнему выглядывая из-за мутного сенного окна, пенсионер Тихомиров без предисловий заявил:

— М-м-меда не приноси. Лу-у-у-чше по-о-о-ллитровочку ка-а-к-нибудь купишь. — И его физиономия расплылась в самодовольной улыбке.

«Как-нибудь», произнесенное Тихомировым, означало — немедленно. В противном случае, Николай Максимович знал наверняка, Сергей Петрович придет через час к нему, будет неотступно ходить следом и рассказывать, заикаясь на каждом слове, как ему этой весной пришлось вычерпывать из погреба воду, чем он занимается сейчас на огороде и что в доме у него полно мышей.

Через полчаса Николай Максимович принес пенсионеру Тихомирову, который после смерти жены привык разбавлять горе и одиночество спиртным, поллитровку медовухи: все полезней!

На том месте, где висел «язык», собралась еще горстка пчел. Прибыл за ними, выполняя поручение отца, уже Олег. А вечером, когда спала жара, весь рой посадили в улей. Образовалась новая пчелиная семья. Сезон самой удивительной и своеобразной охоты, которой занимаются люди, был открыт, только открыла его в этом году сама природа.

Следующим утром Николай Максимович с Олегом, загрузив до отказа машину ловушками, уже мчались к давно знакомым местам лёта пчел. Эти места определялись ими в основном интуитивно, но интуиция основывалась на знании местности, расположения окрестных деревень. Преимуществом пользовались опушки смешанного леса с солнечными полянами и обращенные к местам жительства людей, находящиеся на расстоянии двух-трех километров. Ловушки вешались исключительно на березы: так легче было их отыскать, но при этом деревья должны быть здоровыми, с густыми

кронами. Самое правильное — вообразить себя пчелой, представить, что твоя задача — найти надежное жилище, вокруг которого много корма, тихо и безопасно. Если береза радовала глаз, а вдобавок еще и росла неподалеку от хороших медоносов, то, скорее всего, и пчелам она должна приглянуться. Чтобы на белоствольное чудо без специального снаряжения сложнее было забраться вору, выбирались деревья с высоко расположенными первыми ветвями, не ломкими и не тонкими, ведь именно на них вешалась лестница на длинной прочной вожже. Перекинутая багром с карабином на конце через ветвь, она подтягивалась багром же к нижней части ствола и прочно завязывалась на нем. По лестнице, свободно свисающей с березы, добраться до первых ветвей было просто, выше приходилось использовать в качестве ступеней длинные «руки» стройной красавицы. Поднявшись на высоту семи-двенадцати метров, Олег выбирал сук, на который можно было установить ловушку. Если она не падала с него даже без проволоки, которой каждая в любом случае притягивалась к стволу, считалось, что повезло. Ведь чем устойчивее ловушка держалась на дереве, тем пчелам, по логике вещей, жилище должно было казаться надежнее и долговечнее. Летками крашенные фанерные домики устанавливались, как правило, на юг: кому нравятся холодные ветры? Никаких приманок, которые иногда используются, в ловушки не подкладывалось. Пчелам было достаточно крыши над головой и обособленного уютного уголка в веселой круговерти березовых листьев и сережек. Удивительно, как в таком необъятном мире, среди пестроты зеленого леса пчелы всегда находили леток выкрашенной в защитный цвет ловушки — узкий вход в облюбованный ими дом.

Задача состояла в том, чтобы за как можно короткий срок вывесить все сорок ловушек. Даже при условии, что в день на деревья их будет подниматься пусть даже по десять штук, на это уйдет четыре дня. К тому времени ловушки, установленные первыми, уже заселятся. Постоянные объезды мест лова пчел, снятие и транспортировка «сработавших» ловушек на пасеку, высадка семей в ульи, чистка использованных кошей (иногда их называют и так), повторная их установка на том же месте (пчелы, вероятно, метят места своих заселений) отнимут уже гораздо больше сил и времени.

Олег торопился, ему хотелось все успеть, потягаться с собой же, прошлогодним... Тогда она с отцом поймали и посадили в ульи пятьдесят два роя. Двенадцать крупных семей, в которые они были объединены, неплохо поработали. Жалко, что к весне осталось их только две. Причины таких катастроф различны, как правило, их сразу несколько, но главная состояла в том, что осенью отец неожиданно подхватил воспаление легких и в самый ответственный момент не смог, как положено, подготовить семьи к зимовке, еще раз обработать их от клещей.

Хотя в прошлом году в распоряжении отца с Олегом было всего двадцать пять ловушек... Этой же зимой Николай Максимович решил увеличить их количество почти вдвое! Он раздобыл где-то фанерные коробки из-под индийского чая, аккуратно разобрал и выкроил из них сначала заготовки для одной, а по ним — для всех остальных ловушек. Мог ли кто-то предположить, в какой ценнейший материал превратится фанера из хлебного дерева, сделанная на заводах Индии или Бангладеш, в руках опытного пчеловода?

Наступило время добровольного отрешения от полноценного сна и размеренного «ковыряния в земле». На месяц или полтора все работы по огороду либо полностью забрасывались, либо отодвигались на второй план, либо осуществлялись параллельно, но уже кое-как... Главное состояло в том, чтобы перестроиться на режим почти круглосуточного бодрствования, полукочевой жизни, обеспечивающей оперативный контроль за расставленными ловушками. Как только эти «пчелиные гостиницы» заселялись, их необходимо было немедленно снимать: сильная семья после оттягивания вошины в двух вставленных рамках при последующем освоении жилища может

беспорядочно застроить сотами все свободное пространство в ловушке, а в дальнейшем и к ее дну прирастить сотовые «сталактиты». Хотя последнее сравнение вряд ли правомерно: сталактиты растут сотни лет, а отяжеляющие ловушку соты могут появиться за два-три дня. Рой, «засидевшийся» в ловушке, гораздо более трудоемко переселять на постоянное место жительства в улей, его энергия, отпущенная природой для обустройства «по новому адресу», иссякает. Упускается время, которое тратится пчелами на строительство и заполнение «диких» сотов на «перевалочной базе» в лесу: в них мед еще незрелый, хранить его долго нельзя.

Все операции, которые осуществлялись при установке ловушек как Николаем Максимовичем, так и Олегом, были отработаны до автоматизма. Зачастую не было необходимости даже разговаривать: каждый знал, что ему делать как в данный момент, так и минутой позже. Когда пошли первые рои, было решено сразу комплектовать из них пяти-, шестикилограммовые семьи. Есть такое железное правило: сильные семьи — залог успеха!

— В период основного взятка к нашим ульям должно быть страшно подойти, — говорил Николай Максимович, при этом в голосе его слышались решимость и размах — качества, столь редко встречающиеся у сельчан, привязанных к земле и поработанных нелегким бытом. Как нравилась Олегу эта черта характера отца!..

Отвар Melissa и котовника, которыми обильно кропились труженицы гречишных полей, исправно делали свое дело: запах роднил, а отсутствие вражды позволяло заселять их в многокорпусные ульи, как грибы после дождя выроставшие на пасеке Николая Максимовича. Лес, подступавший вплотную к задней части огорода, в котором она занимала значительную часть веселенькой поляны, сводил на нет угрозу пчелиных атак на деревенский скот. Пойманные рои подвергались обязательной санитарной обработке, все сведения о семьях заносились в специальный журнал. Формируемые корпуса обеспечивались оптимальным количеством приплода, в том числе и трутневого, молодой маткой. Принимались меры к тому, чтобы исключить причины роения пчел.

За обстановкой на пасеке бдительнее всех следил Саша, целью которого было не проворонить момент, когда у того или иного улья образовывалась «борода» или «клубок» из пчел, намеревающихся слететь. Мальчику, конечно, объяснили, что сберець пчел — задача не менее важная, чем поймать их. Хотя, конечно, и он рвался в лес, потому что негласно считалось: передовать все равно там!

Между тем Олега да и самого Николая Максимовича охватил настоящий азарт. Вставали они с рассветом, ложились глубокой ночью, но об отдыхе не помышляли. Если устанавливать ловушки можно было в светлое время суток, то снимать их полагалось строго «по расписанию»: либо рано утром, либо поздно вечером, когда практически все пчелы слетались в гнездо. Учитывая, что работать приходилось зачастую в темное время, Николай Максимович вооружился специальным шахтерским фонарем, который светил от аккумулятора, и биноклем, позволявшим значительно приблизить «картинку», в деталях разглядеть, что делается возле «пчелиной гостиницы» хотя бы и в двенадцать или в час ночи. Но Олег, например, без фонарей и биноклей, по одному лишь гулу, слышавшемуся возле дерева, либо по более тихому звуку — слабому жужжанию, которое улавливалось ухом, прижатым к березе, мог безошибочно сказать, заселились пчелы в ловушку или это пока только «разведчики», а если же заселились, то насколько большой семьей... Произошел однажды и такой курьезный случай: вместо пчел кошу облюбовали шершни. С первого же взгляда на ловушку снизу возникало какое-то неприятное ощущение ее омертвелости. И все окружающее ее пространство, включая дерево, на котором она висела, деревья и кустарники, растущие рядом, и даже траву словно окутал какой-то невидимый саван. Он давил и угнетал, он словно отбирал жизнь... А сама ловушка оказалась местами покрытой паутиной. Такого никогда не быва-

ет с пчелами. Они любят чистоту и порядок. Запустение и разруха противоречат самой их природе. И от семьи всегда исходит положительная позитивная энергия.

Окрестные дороги Николай Максимович с сыном исколесили вдоль и поперек. Без всяких записей знали все повороты и приметы. Из-за внезапного проливного дождя застревали на дороге прямо посреди поля, с трудом, с помощью деревенского трактора, за которым приходилось по непролазной грязи идти пешком в ближайший населенный пункт, выбирались из колеи. Так как не могли добраться до своего дома, не раз ночевали у дальних родственников за десятки километров от него. Но ночью под шум утихающего дождя даже в чужом доме они думали о том, куда отправятся в первую очередь утром, ведь с первыми лучами солнца и свежим ветерком дороги быстро подсохнут...

Каким-то невообразимым способом по окрестным деревням быстро распознали слухи и о пасеке Николая Максимовича, и об успешном его методе лова пчел. Жители окрестных деревень, завидев его «Ладу», издали первыми кивали или поднимали в приветствии руку. Наверное, с кем-то из них ему доводилось общаться, покупать молоко, яйца, шерсть, просить о чем-то еще или откликаться на их просьбы. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы хорошо узнать друг друга и здороваться при встрече как добрым знакомым, — так казалось Олегу. Создавалось впечатление, что отца знают очень давно, не первый год. И, конечно, знают, что за снаряжение он с собой возит и чем занимается в лесу.

На одной из центральных улиц большой башкирской деревни к машине, медленно крадущейся по ухабистой дороге, каждый раз подбегали мальчишки и громко кричали в открытое окно то ли Николаю Максимовичу, то ли себе:

— Вот... опять едет наш дядя Коля-пчеловод!

Это сместило. Сонливость от усталости, жары и продолжительной езды отступала. Иногда Николай Максимович, в очередной раз отправляясь с Олегом мотаться по лесам, специально для этих всезнаек брал полную миску сотовых языков с нектаром, которыми где-то больше, где-то меньше беспорядочно зарастала почти каждая снимаемая ловушка.

В очередной раз за сезон второй день подряд шел проливной дождь. Из-за раскисших дорог сидели дома, на душе было тревожно. Непогода никак не вписывалась в планы. Однако ненастье в одночасье сменилось духотой и солнцепеком. Выехали, едва земля покрылась корочкой. Проверить решили сначала самые удаленные ловушки. И с первой же осматриваемой — удача! Улов, судя по висящей «бородке» из насекомых под летком, ровному густому гулу, доносящемуся с дерева, количеству прибывающих с добычей и отлетающих за кормом пчел, мог наверняка вытянуть от двух до четырех килограммов. Снимать рой приехали около полуночи. Все шло своим чередом: багор... карабин... вожжа... узел на дереве... В результате лестница вытянулась вдоль ствола. Олег в шляпе с защитной сеткой, опрысканный из пульверизатора миротворным отваром котовника и Melissa, положив в один карман заглушку, чтобы закрыть леток, в другой — небольшую пластиковую бутылку воды с продырявленной в нескольких местах крышечкой для создания видимости дождя у ловушки и взяв в правую руку вожжу для спуска ловушки с дерева, устремился вверх. Пчелы несколько успокоились, «бородки» под кошей уже не было, но пара десятков «охранников» сгрудились возле летка. Не делая резких движений, Олег достал из кармана бутылку с водой и загнал искусственным дождем подавляющую часть пчел в рукотворный дом. Затем, не мешкая, закрыл леток задвижкой, привязал вожжу к ручке ловушки, отвязал проволоку, которая закрепляла ее у ствола, и, поднявшись чуть выше, начал снимать снаряд с сучка. Почувствовав в руке явно больше десяти килограммов веса, он не сдержался и крикнул вниз:

— Меда, наверное, полно. Когда столько успели?.. И дожди не помешали!

— Не кричи, — вполголоса откликнулся Николай Максимович. — На охоте не кричат.

Он часто называл ловлю пчелиных роев охотой. И относился к этому занятию со всей серьезностью.

— Мы самые гуманные охотники на свете, потому что никого не убиваем, а, наоборот, даем пчелкам дом, работу, возможность жить в большой и дружной семье, — говорил пчеловод и добавлял, улыбаясь: — За это они нам хорошо платят. Медом!

На замечание Николая Максимовича Олег машинально оглянулся. И вдруг опять чуть не вскрикнул, но уже от неожиданности. Шагах в тридцати-сорока сквозь частокол молодого осинника к опушке пробирались лоси. Впереди шло довольно крупное, но не очень-то похожее на вожака животное. Скорее, это была самка, безрогая, как будто немного рассеянная. Ее сопровождали молодые с непропорционально длинными ногами лосята. Чуть поодаль шла, вероятно, еще одна самка. Справа от нее не спеша брели лосенок, значительно крупнее тех, первых, скорее всего двухгодовалый, а рядом с ним — совсем маленький.

Олег, ни слова не говоря, быстро опустил на вожже ловушку, которая оказалась даже тяжелее, чем он предполагал. Спустился по лестнице и сам, поделился увиденным с отцом. Они, не мешкая, направились группке лосей наперерез. Вскоре их взглядам открылась идиллическая картина. Вся небольшая стайка животных остановилась в небольшом полуостровке леса, врезавшегося в поляну, мирно щипала траву и срывала листву с березового молодняка. Природа открывала перед ними много тайн, но всегда потрясала своим великолепием и по-детски доверчивой незащищенностью. Удивительный огромный мир, живущий по своим правилам и распорядку, существующий как бы параллельно с миром людей, умиротворял, дарил ощущение великой гармонии всего сущего на земле.

Налюбовавшись лесными пришельцами, которые вскоре, изменив маршрут, скрылись за деревьями, отец с сыном вернулись к ловушке. Собирая нехитрый инвентарь, они не заметили, как совсем близко к ним подошел одетый в грубую брезентовую куртку мужчина с ружьем. Обернулись лишь на хруст веток под его сапогами. Стеннело, и уже невозможно было разглядеть лицо незнамого ночного гостя. Остановившись метрах в семи от них, он закурил. Затем, подняв вверх на вытянутой левой руке ружье, выстрелил. Что делал незнакомец в столь поздний час в лесу, можно было только гадать. «Неужели та стайка лосей как-то связана с его появлением?.. Скорее всего!» — подумал Николай Максимович, но обстоятельства не отпускали ему времени на праздные раздумья.

— Кто такие? — с вызовом явно пьяного человека выкрикнул пришелец.

— Мы местные, — слукавил пчеловод. На самом деле он жил с семьей в городе. В небольшой, богом забытой деревушке километрах в восьмидесяти от него он лишь купил лет десять назад старенький дом и летом приезжал туда как на дачу. Стараясь говорить как можно дружелюбнее и перевести короткие фразы в разговор, Николай Максимович продолжил: — А сам откуда?..

Но его вопрос остался без ответа. Незнакомец лишь усмехнулся, неожиданно икнув на выдохе, и продолжил свой допрос:

— Давно этим воровством занимаетесь?

Если пчелы в поисках нового жилища и, поддаваясь вековому инстинкту размножения, у кого-то слетели с пасеки или огорода, где местные жители зачастую держали по несколько ульев, это вовсе не означало, что их кто-то воровал, расставляя в лесу ловушки. Откуда они слетели или, иными словами, чьи они, определить было невозможно. Случается, что от места своего роения пчелы летят и двадцать, и тридцать километров... Но что-то доказывать человеку, который, видимо, не обладал здравомыслием, было бесполезно и, пожалуй, даже опасно.

— Пусть сын уйдет, — предложил Николай Максимович, избегая объяснений и чувств, что дело принимает опасный оборот.

— Ну, пусть уйдет, — швырнув окуроч в траву и перекинув ружье из левой руки в правую, с безразличием в голосе согласился незнакомец.

Старый пчеловод с силой толкнул сына в плечо:

— Давай в машину!

Олег хотел захватить с собой ловушку, однако отец тихо, но настойчиво сказал только для него:

— Оставь.

Юноша, какое-то время колебавшийся из-за наседавших тревожных мыслей, наконец повиновался. Буквально через минуту, выходя из леса, он вдруг услышал громкие испуганные крики вперемежку с тяжелой бранью уронившего всякое достоинство человека. На поляну, по-прежнему держа в одной руке ружье, а другой явно отгоняя от себя пчел, вылетел незнакомец и стремглав помчался прочь, к дальнему концу поляны. Догадавшись, что отцу больше уже ничего не угрожает, кроме неприятного, но привычного для него «лечения» пчелиным ядом, Олег, опасаясь теперь только за себя, тоже побежал от беспощадных летающих мстителей, но в другую сторону, к машине.

Николай Максимович появился из темноты минут через пять. Он тоже совершил пробежку, которая, впрочем, не избавила его до конца от настойчивых преследователей. Снимать несколько разъяренных пчел сыну с отца пришлось в машине.

— Что там было? — спросил Олег, когда машина привычно побжала по дороге.

— А ничего не было, — отвечал Николай Максимович. — Я просто приоткрыл на ловушке крышку. Хорошо, что пчелы нас еще и защищать умеют! Иногда они быстрее пули...

Вспомнив вес, который приятно оттягивал руку при спуске ловушки с дерева, Олег с сожалением вздохнул:

— Эх! Хороший был рой! Жалко! И ловушку около березы оставили...

— Не переживай, — спокойно отозвался отец. — Ловушку никто не тронет: она под охраной. А пчел мы заберем завтра...

И в самом деле, поднявшись на следующий день до рассвета, Николай Максимович разбудил Олега, завел машину, и уже через полчаса они были на вчерашнем месте. Ловушка с приоткрытой крышкой стояла на земле. В ней копошились не пожелавшие расстаться со своим медом пчелы. Крышку тут же закрыли. Какая-то часть пчел висела темной живой гирляндой на березе, на той самой ветке, где еще вчера была установлена ловушка. На этот раз Николай Максимович, пользуясь все той же лестницей, сам поднялся на дерево и, в очередной раз задумавшись над неблагозвучным словом «огрести», ловко заправил остатки роя в запасную кошу.

Всякий раз, когда отец с Олегом возвращались из леса, Саша с нетерпением ждал, что они скажут, о каком «улове» поведает. Вот и на этот раз уже днем, когда машина въехала во двор, он подбежал к ним и с мольбой заглянул брату в глаза:

— Ну, что?..

— Четыре роя, а один — аж в двух ловушках: в одну не уместился! — загадочно улыбаясь, ответил Олег. — Кстати, отгадай загадку, — предложил он брату, вспомнив ночное происшествие и устало расправляя плечи, — кто на крыльях быстрее пули?..

